

Николай КОЛМОГОРОВ

«НА СЕРДЦЕ БЫЛО И В ПРИРОДЕ...»

Поэт Николай Колмогоров (1948–1998) умел ценить талант друзей – собратьев по перу. Об этом говорят его очерки о Е. Буравлёве, В. Ковшове, В. Крёкове, С. Донбае, опубликованные ещё при жизни поэта в различных номерах журнала «Огни Кузбасса». Желание рассказать о своих товарищах Николай Иванович объяснял так: «Капля по капле, эпизод за эпизодом и складывался ручеёк размышлений и воспоминаний, наблюдений и чувств, пока ясно не замерцала необходимость заключить всё это в одну зримую, твёрдую форму. Во главу моих интересов поставил я лучшие творческие и личностные качества моих товарищей. Больше всего мне хотелось бы показать неслучайность их судеб, творческих и жизненных путей, рядом с которыми, иногда тесно переплетаясь, а то и срастаясь, пролегли и мои собственные пути-дороги».

В архиве Н. И. Колмогорова сохранился неопубликованный очерк о Леониде Гержидовиче, в котором как раз прослеживается неслучайность поэтической судьбы и такое непростое переплетение творческого и жизненного пути поэта.

Публикацию подготовила
Алла КОЛМОГОРОВА,
г. Кемерово

Далеко за озером, за мелкой ненастной рябью волн, за бледной завесой беспрестанно идущего снега на смутно различимой прибрежной лесистой горе завыл волк. Мы с напарником перестали топтаться возле маленького костерка и прислушались. Унылая волчья песнь, которую наносило ветром, была какой-то отчаянной, жалобной и одинокой.

– Молодой волк, – сказал мой товарищ, задумчиво глядя в сторону взъерошенного неспокойного озера. – Наверное, стаю потерял.

– Почему? Как ты это узнал? – спросил я, заслоняясь воротником куртки от секущей лицо злой снежной мокрети.

– А голос у него щенячий, срывается даже. Матёрые волки так не воют.

Нагнувшись, он подбросил несколько сухих веток в огонь. Пламя вновь жадно вспыхнуло, и нам сделалось чуть теплей.

Вой оборвался.

Мы стряхнули толстый слой снега, сдавивший крышу старой палатки, пошли на опушку лесной чащобы, насобирали и наломали новых веток и сухостоин, приволокли их к костру и поехали смотреть сети.

Складная двухместная лодка была из тех, что изобретали в последнее время скорые на придумку, но не знающие лесной жизни кулибины и ползуновы. Сделанная из лёгкого алюминия, она скорлупою плясала на каждой волне, готовая вот-вот перевернуться да и сбросить нас в холодную хрустальную глубину. Лодкой, палаткой и сетью снабдил нас хороший знакомый из посёлка, лепившегося на другом конце озера. Он же и добросил искателей приключений сюда, к устью чистой таёжной речушки, на быстрой своей моторке, пообещав вернуться через неделю. Укатить-то он укатил, а мы тут мыкались на свой страх и риск, но судьбу не проклинали, когда приходилось доставать притонувшие, снесённые медленным подводным течением сети. В одной из них не оказалось ничего, кроме набившихся чёрных листьев, в другой запуталось несколько узких серебристых рыб величиною с селёдку. Это и был знаменитый телецкий сиг, о котором нам говорили и который водится только в этих краях. Вдобавок к рыбе попала прямо в середину сети и безнадежно закрутила её на себя утка нырок. Хлопот с распутыванием, да ещё при такой неустойчивой посудине, было много, и поэтому пришлось нам, измокнув, вытаскивать всё наше хозяйство из

воды и скорей поторапливаться к желанному берегу. Но костёр мало грел. Стащив мокрую одежду и сапоги, забрались в палатку и при скудном свете осеннего дня почувствовали свою полную затерянность среди тёмных, близко надвинувшихся гор, нетронутая тайга на которых стояла так же угрюмо и густо, как и тысячи лет назад.

Товарищ мой впервые был на Горном Алтае. С неохотой поддался он на мои уговоры в его собственном зимовье, построенном среди нашей почти равнинной барзасской тайги. Природный охотник и рыбак, бывалый лесовик, он долго отнекивался, ссылаясь на то, что и дома, мол, хорошо. Наконец сдался, и вот мы здесь, в седых Алтайских горах.

*В лес уйти не от жизни, а к жизни.
Дятлов слушать, ловить окуней,
Чтоб дыханье родимой отчизны
Ощутить и осмыслить полней.
В птичьих криках и травах узорных
В озарения благостный час
Усмотреть изначальные корни,
От рожденья живущие в нас.
Над мирской суетой усмехнуться,
Помолчать у костра в полумгле
И счастливой слезой задохнуться
От любви к этой доброй земле...*

172

Он прочитал эти стихи, и мы долго молчали, слушая близкие шлепки волн. Увиделось мне в тот час что-то далёкое, своё и почти детское, а что виделось ему? Вырубленная за многие годы и едва-едва вновь нарастающая тайга, а в ней одинокая, спрятанная под лесистый мысок невысокая избушка? Или тропы-дороги, исхоженные по родной глухомани вдоль и поперёк, считаи, с отроческих лет?..

*Ветки над тропкой нависли.
Выше – простор ветерку.
С вёдрами на коромысле
Я прихожу к роднику.
Здравствуй, искристая влага,
Скрытая хвойной иглой!
Сердцу нет лучшего блага –
Слиться с родимой землёй.
Вижу густые родные
Ели в раздолье теней –
Это хоромы лесные
Жизни простецкой моей.*

Думаю, что, запечатлев подобные строки на бумаге, немного слукавил мой друг: не такая уж простецкая она у него, жизнь эта самая! Одно дело быть только охотником и заготовителем, пропадающим день-деньской в таёжных урманах, другое – ещё и книги писать, стать профессиональным поэтом, членом Союза писателей! И поразмыслить тут есть над чем, ибо Леонид Гержидович, сосед мой по таёжному костерку и палатке, со времени нашего немудрёного жития-бытия на берегу горного озера прошёл достаточно сложный путь, чтобы состояться, хотя жизнь его внешне мало в чём изменилась. Всё так же пропадал он в тайге, занимаясь основным жизненным делом: был добытчиком для семьи. Но, набродившись по лесам вдосталь и утолив жажду общения с ними, возвращался он в обычный свой дом с каменными стенами, где ждали его другие заботы и нужды, и долго ещё не мог прийти в себя, удивлённо оглядываясь вокруг.

*Пуская дым из-под усов,
Почёсывая пальцем бороду,
Я из естественных лесов
Пришёл, дивлюсь большому городу.
Не знаю, как соединить,
Связать, сплести мне воедино
Берёзок тоненькую нить
С бетонно-блочною холстиной.*

Много лет живя в небольшом шахтёрском городе Берёзовском, поэт тем не менее от земли и от природы не отрывался – косил сено для коров, ходил за другой домашней живностью, копал, полон, поливал и окучивал огород. Занимаясь обыденным трудом, неторопливо работал он и над стихами. Вот разве с годами охотиться почти перестал: от кислотных дождей ли, от ядовитого ли дыхания наших химкомбинатов и прочих индустриальных чудовищ стала пустеть тайга, заметно поубавилось в ней лесного населения, уходит всякий зверь и улетает, не селится птица. Человечество жадно берёт энергию у природы, но взамен, кроме продуктов распада, ничего не возвращает.

*И в жару, и в лютый холод
Всё, что в дебрях испытал:
Кровь, и пот, и хворь, и голод –
В эти тропы я втоптал...*

Сказать такое Леонид Гержидович имел полное моральное право, ибо не понаслышке знает, как жжёт лицо лютаа зимаа стужа, когда идёшь по лыжне проверять капканы и ловушки. Сызмала судьба распорядилась так: охота, промысел стали для него основным способом выживания в этом жестоком и беспощадном мире. Кому-кому, а уж ему-то приходилось и на снегу ночевать, и проваливаться под лёд полузамёрзшей таёжной речушки. И ох как сладко было, намертво вымотавшись за короткий световой день беганья по тайге, добрести до охотничьей своей избушки, отворить низкую дверь в неё и...

*К закутку
Притулил ружьё,
Смахнул с предплечий
Льдинок крошки,
Вошёл, пригнувшись,
В зимовьё
И сел усталый
У окошка.
Я чуть живой от долгих вёрст,
Одежда солона от пота.
А впереди, с утра до звёзд,
Опять нелёгкая работа.
Охота!
Смог бы без тебя
Я жизнь свою сполна измерить?
Как утвердить бы смог
Себя
И в самого себя
Поверить?..*

* * *

Леонид Гержидович родился в Панфилове, с 1938 года жил в посёлке Барзас Кемеровской области. Когда-то здесь, на высоком берегу одноимённой реки, размещался лагерь – зона с бараками, затем было так называемое вольное поселение, а после образовался просто гражданский посёлок. Краем детства и юности захватил будущий поэт те крутые нравы времена. Отца почти не помнил, а мать научала нелёгкой простой жизни: «Трудись, не воруй, не спи до обеда, умеи добыть пропитание, цени хороших людей, добром отвечай на добро, а ежели обидят, смоги постоять за себя».

Обыкновенные, но такие нужные всегда и везде заповеди осели в душе, стали основой характера юноши. Служба в армии, романтические скитания по просторам Отечества (Дальний Восток, Магадан, Колыма), вновь родные края, учёба

в Физкультурном техникуме и, наконец, работа преподавателем в одной из школ молодого шахтёрского города – таковы основные вехи биографии. Но всё это – внешние приметы бытия, которые почти никак не сказались на творчестве. И правильно сделали. Потому что настоящий художник живёт не внешними событиями, хотя отталкивается от них, как лыжник от каждого бугорка. Зато с неодолимоу силой сказывается на нём другое – чувство любви к родной природе, например. Это чувство и повело моего земляка в таинства поэтического бытия, равно как и в тайгу, к тайнам и красоте её, которые заставили слиться с ней и срастись навсегда, будь то розовеющий пеной кипрея косогор, лесная зелёная поляна или солонец, где вся земля выбита и вылизана лосями. Всё дальше и глубже уходя в лес от людей, от городского тесного прозябания и шума, поэт, как он сам однажды признался, всё ближе становился к людям. И ничего нет и не было никогда странного в том, что суровый охотник-промысловик, крепко сжимающий свою выдавшую всякие виды двустволку, и поэт, укромно склонившийся над заветной тетрадкой где-то в заваленном сугробами зимовье, – один и тот же человек! Но ведь на то он и человек, что неодносложен!

173

Не однажды мы, давние друзья его, изумлялись и возмущались одновременно: «Старик! Разве так можно? Пишешь: «Давайте в лес войти мы будем, как в старину входили в храм» – а вечером зайцев и колонков обдираешь!..» Поэт, не находя ближайшего оправдания охотнику, моргал светло и смущённо: «Что поделатъ, братцы, профессия такая, переучиваться теперь поздно, да и ни к чему». И мы, поукорав, попеняв и поругав друга, смягчались, сникали в своей критической агрессивности, понимая со всей железной неоспоримостью, что да, здесь уже ничего нельзя переделатъ и изменить: такова его человеческая судьба!

*Ну и что же с того, что так дует,
Завывает, свистит и метёт,
Если сердце поёт и ликует –
И плечо до звезды достаёт!
Мне сегодня в снегах перелесья,
Как негаданный выдох иль сон,
Небывалая слышалась песня,
Доносился неведомый звон.
В нём я слышал миров колыханье,
Детский лепет в родимом краю,
И любовь, и благие желанья
Переполнили душу мою.*

Читая книги Гержидовича, иногда подумываешь о том, что большинство стихотворений, особенно ранних, очень уж заслонила природа. Всё лес да лес, а людей нет. И это так, если опираться лишь на первую половину его литературного горизонта. Начиная он достаточно скромно, в поэты особенно-то и не рвался. Это сейчас хлынули в литературу те, о которых говорят, что их хлебом не корми – лишь бы прорваться в члены Союза писателей! И прорываются во все дыры и щели, стряпая книгу за книгой, щедро накачивая до зелёных соплей некоторых падких на дармовое угощение членов Союза, дабы заполучить утвердительный голос. Что же тут удивляться, что нынче в наших профессиональных рядах образовалось столько литературного балласта!

Но Гержидовичу повезло: из лесного одиночества он вышел наконец к нам, его товарищам, русским сибирским поэтам, и не пожалел о том.

Не пожалели и мы: появился самобытный автор, стихи которого, особенно таёжные, наполненные свежей думой о родном крае, были узнаваемы своим почерком.

*За корявыми деревьями
Зимних утренников трель:
Колокольчиком серебряным
Тронул воздух свиристель.
Душу песенка негромкая
Переполнила хитро,
Будто кто-то льдинки тонкие
Ссыпал в звонкое ведро.
Загадав дорогу дальнюю,
Этот птичий бубенец
Тихой музыкой прощальнойю
Отзвонил зиме конец.*

777

Осмысливая такие вот бесхитростные строчки, прочно спаянные, как мёд в сотах, чистейшим воском поэзии, невольно вспоминаешь о красоте, которая спасёт мир. Несмотря на затасканность, это выражение как нельзя лучше проясняет истинный смысл поэтических страстей, которые разворачиваются перед нами в стихах Гержидовича, ибо именно красота как земное чудо и Божественная благодать открывается в его творениях.

Но поэт не был бы поэтом, если бы не понимал ни юмора, ни тем более дружеской без-

обидной шутки. А уж если он живёт и ходит с вечно насупленными бровями и ни одним намёком даже не упоминает о существовании противоположного пола – грош цена такому поэту. Себя-любивый мирок такого «песнопевца» похож на жилище, которого никогда не касалась лёгкая женская рука: всё в этом логове полно тенёт и запустения!

К счастью, Леонид Гержидович начисто лишён этой неряшливой особенности, и через добрую половину его стихотворений гордо и грациозно шествует женщина, какую её видит и понимает он сам. Неслучайно же одна из его книжек так и называется – «Есть в женщине...».

Не хочу судить-рядить о плюсах и минусах этой книжки, скажу только, что удались, на мой взгляд, те стихи, которые исполнены как бы шутя, непринуждённо, с лёгким этаким юморком, от которого нет-нет да и улыбнёшься по-доброму:

*Где с горы сбежали ели
И застыли на бегу,
Неужели мы сидели
На высоком берегу?
Неужели у изгиба,
Разгоняя облака,
Нам показывали рыбы
Серебристые бока?
Неужели, неужели,
Непонятливы и злы,
Комары нам надоели?
Мы поднялись и ушли.
И остались возле речки,
Различимые едва,
Несказанными – словечки,
Непомятою – трава...*

Или:

*Вспомни, вспомни обо мне,
Чтоб весна проснулась,
Чтобы птица в глубине
Рыбою метнулась.
Видишь, рыбы по сосне
Проплывают кверху
И, как чайки, в вышине
Блещут фейерверком.
Чтобы лоси в синеве
Пролетали трубно,
Вспомни, вспомни обо мне.
Разве это трудно?*

Есть, разумеется, у Гержидовича стихи о совести и покаянии человека. В битве за души людей друг мой давно уже сделал выбор: он воюет на стороне совестливости.

*Индевеет лицо от мороза,
И скользит между сучьев нога...
Ты прости меня, мать-берёза,
Раздеваю тебя донага.
Топориным размеренным стуком
Оглашаю окрестный лесок,
На метлу обрублю твои руки –
Заработаю хлеба кусок.
Ты прости, не выходит иначе.
Нет прощенья – обрушь меня вниз.
Ты весной каждой раной оплачешь
Эту нашу совместную жизнь.
Ты оплачешь моё безрассудство,
Мой кощунственный хлеб на столе,
Все деянья, лишённые чувства,
На поруганной мною земле.
Льдом в снега посыпал я слёзы,
Вьюговьём заглушило мой плач...
Ты прости меня, мать-берёза,
Я сегодня твой подлый палач.
По-над нами суровые тучи
Злыми лбами упрутся в зарю...*

*На метлу обрублю твои сучья,
У вершины топор усмирю.
Будешь в трепете ты невесёлом
Возвышаться уродливо ввысь
И являть своим остовом голым
Всю мою несуразную жизнь.*

Нужны ли к этим стихам какие-либо комментарии? Думаю, что нет.

Обращение человеческой души к вечному образу покаяния – вот что не стыдно поставить в пример. Всё живёт, всё живо и неповторимо, и время всякой вещи под небом. Вступив в завершающий этап своей жизни – золотую пору зрелости, друг мой теперь уж точно знает, что за каждое поэтическое слово нужно отвечать, потому что слово – это тоже поступок.

Охотничьи приключения закончились, но творческая работа, работа души, продолжается. И, кто знает, может быть, иногда видится ей давнее теперь уже событие, больше похожее на сон: шелест мелкого, беспрестанно идущего снега, утлая скорлупка лодочки на ледяных озёрных волнах, двое в лодке и далеко за телецкою ширью на смутно различимой лесистой горе тоскливый щенячий вой молодого волка...

1998 г.

175

